

сѣдѣя за ними, перемешивались и порою громко отпускали лихія шутки на счетъ добродности и румянца красавицъ; вино и брага примѣтно распоряжались ихъ словами и мыслями; они примѣтно позволяли себѣ больше вольностей, чѣмъ обыкновенно, и женщины были примѣтно снисходительнѣй. Но оставимъ буйную молодежь и послушаемъ, объ чемъ говорили воинственные пришельцы съ сѣдодородными старшинами. Отгадать не трудно! Они требовали выдачи господъ, а крестьяне утверждали и клялись, что господа скрылись, бѣжали... увы! — къ несчастію, казаки были объ нихъ слишкомъ хорошаго мнѣнія; они не хотѣли даже слышать этого, и урядникъ уже поднималъ свою толстую плеть надъ головою старосты, и его товарищи ужъ произносили слово пытки; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ отправились на барскій дворъ и вскорѣ возвратились, таща приказчика на арканѣ. Урядникъ, по прозванію Орленко, мужчина въ полномъ значеніи сего слова, высокій, крѣпкій сложеніемъ, усастый, съ черной бородкой и румяными щеками, кинулъ презрительный взглядъ на блѣднаго приказчика, который, произнося несвязные слова и возгласы, стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ, съ руками, связанными на спинѣ; конецъ веревки былъ въ рукѣ одного маленькаго рябого казака, который, злобно улыбаясь, поминутно ее подергивалъ.

— Что это за птица, Грицкѣ! — сказала урядникъ маленькому казаку, — что это за жликуша?.. отчего реветъ, какъ волъ? ужъ не онъ ли здѣшній господинъ?

— А бисъ его знаетъ! — отвѣчалъ Грицкѣ, — говоритъ, што приказчикъ... вѣдь отъ этихъ москалей безъ плетки толку не добьешься... я его напелъ подъ лавкой въ кухнѣ и насилу выкурилъ оттуда головешкой.

Улыбка показалась на устахъ урядника, когда онъ замѣтилъ опаленные волосы и брови несчастнаго плѣнника, который, не спуская съ него глазъ и переставъ кричать, казалось, старался на лицѣ казака прочесть своей приговоръ.

— Такъ ты приказчикъ? — спросилъ Орленко, обратясь къ нему грозно.

Несчастный задрожалъ, хотѣлъ что-то вымолвить, и заикнулся.

— Что жъ ты молчишь, собачій сынъ? я тебѣ этимъ кинжаломъ расцѣплю зубы...

— Виновать! я приказчикъ...

— А! такъ ты виноватъ! — сказалъ Орленко, наморщивъ брови и желая надъ нимъ позаваться: — въ чемъ же ты виноватъ? сейчасъ признавайся... а не то, видишь! — Онъ пальцемъ указалъ на свои пистолеты.

— Батюшка! нѣтъ, я ни въ чемъ не виноватъ! ваше жъ благородіе! помилуй...

— Ты у меня запираешься...

— Виновать! — опять заревѣлъ приказчикъ, — сжальтесь... я отъ страха не знаю, что говорю... я приказчикъ... Если бы я зналъ, гдѣ господа, такъ я бы самъ ихъ выдалъ нашему батюшкѣ! я бы самъ полюбовался на ихъ висѣлицу! я бы самъ ихъ сжегъ на кострѣ, самъ бы своими руками съ нихъ кожу содралъ съ живыхъ...

— Будго бы! точно ли?

— Да убей меня Богъ! если я бы хотѣ одинъ волосокъ за нихъ отдать, злодѣевъ!

— Ну, а скажи-ка, отчего у тебя борода обрита?

— Борода?.. да такъ... а что, родимый?

— Эй, ребята! ъ замѣчаю, что это плутъ большой руки...

— Ваше превосходительство! — сказалъ приказчикъ, привставъ, съ большою утѣренностью, — извольте спросить у всѣхъ мірянъ: любилъ ли я господъ своихъ...

— Эй, вы! правду ли онъ говорить?

Мужики переминались, почесывали затылокъ, кашляли.

— Видишь, молчать! — сказалъ насмѣшливо Орленко, — да я подозреваю... ужъ не самъ ли ты Палицынъ! борода-то мнѣ подозрительна... эй, мужички: какъ вы думаете? ха, ха, ха!

Увы! народъ молчалъ.

Приказчикъ бросилъ отчаянный взглядъ кругомъ, но, не встрѣтивъ нигдѣ сожалѣнія, прикусилъ губу и, не зная что дѣлать, закричалъ: — Ахъ, вы нехристи, басурманы... что вы молчите, развѣ я не приказчикъ Матвѣй Соколовъ; развѣ въ первый разъ меня видіе... что это вы морочите честныхъ людей... ахъ, вы каналы! — развѣ забыли, какъ я васъ поролъ... или еще хочется...

Лукавые мужики покашливали; наконецъ одинъ изъ нихъ, покачавъ головой, молвилъ: — Пороть-то ты насъ, братъ, поролъ... грѣшно сказать, лучшаго мы отъ тебя ничего не видали... да теперь-то ты насъ этимъ, любезный, не настращаешь... всему свое время... выше лба уши не растутъ... а теперь не хочешь ли на себѣ примѣрить?

— Что же? ты его признаешь за барина своего? — спросилъ Орленко.

— Баринъ-то онъ не совѣтъ баринъ, — сказалъ мужикъ, — да яблоко отъ яблони недалеко падаетъ; куда пошъ — туда и попова собака!

— Что жъ я буду съ нимъ дѣлать?

— А что хочешь, кормилецъ! намъ все равно... какъ присудишь, — заговорило нѣсколько голосовъ.

Приказчикъ упалъ въ ноги уряднику и заревѣлъ: Смилуйся, отецъ родной, золотой ты мой, серебряный... что я тебѣ сдѣлалъ?..